

«Минлу, как ты можешь так разговаривать со своим братом? Тебя обычно так учат папа и мама? Тебе нужно научиться принимать доброту других. Дай мне свой денежный пистолет. Мама не было полгода, а ты изменился, дитя мое! Пожалуйста, протяни руку добровольно. Сегодня канун Нового года, и мама не хотела тебя наказывать, но твоё недавнее поведение действительно выходило за рамки. Мама может только преподать тебе небольшой урок, чтобы ты понял, что такое поведение нехорошо!»

Ань Мэйцзун отругала его, думая, что Инь Минлу действительно не хватает манер. Если позже кто-то придет дарить ему подарки, а он брызнет им в лицо из водяного пистолета, сколько денег она потеряет!

Инь Минлу полностью проигнорировал её, опустил голову, чтобы поиграть пальцами, и даже изменил положение качающихся ног.

По совпадению, после приема волны гостей, Инь Юньцю потерял виски и вернулся, чтобы забрать своего ребенка. Как только он вошел, он увидел обычную привычку ребенка болтать ногами.

Иногда он скрещивал левую ногу с правой, а иногда скрещивал правую ногу с левой. Поскольку его маленькие ножки были короткими, они казались пухлыми, когда он их поднимал, и это не делало его грубым; напротив, он выглядел нежным и пухлым.

Он подошел, ущипнул другого за круглую и очаровательную ножку и спросил: «Почему ты снял носки? Ты не боишься замерзнуть?»

Несмотря на то, что в комнате действовало отопление, а пол был покрыт толстым ковром, все равно следует беречь свое тело. С этими словами он взял пару пушистых носков, лежащих рядом с ногами ребенка, и умело надел их, не обращая внимания на надутый рот ребенка.

Когда она увидела своего мужа, холодное и строгое выражение лица Ань Мэйцзун сразу же превратилось в мягкие и нежные слова, даже ее выговоры были мягкими. «Минлу, как ты мог так направить свой денежный пистолет на своего брата? Он пытался быть добрым и сделать тебе подарок. Даже если тебе это не нравится, тебе следует вежливо отказаться...»

В любом случае, она тонко намекала, что ребенок был невежливым, имел плохой характер и упрямый характер, ясно давая это понять Инь Юньцю.

Послушав некоторое время, Инь Юньцю быстро понял, что происходит. Однако он не возражал и потерял мягкие волосы сына.

Он снисходительно сказал: «Все в порядке. Если ребенку это не нравится, он не должен этого делать. Не существует правила, гласящего, что у братьев и сестер должны быть хорошие отношения, тем более что они двоюродные братья с дополнительным слоем разлуки. Чувства ребенка важнее всего. Быть немного испорченным — это нормально».

«Юньцю, ты не можешь этого сделать. Ты так испортишь ребенка», — Ань Мэйцзун потеряла дар речи.

С манерой баловать Инь Юньцю, пока Инь Минлу не был полностью невежественным, он, вероятно, стал бы тираном, который без каких-либо ограничений пользовался богатством и властью своего отца. Ей хотелось, чтобы он таким образом самоуничтожился, но во всем были свои плюсы и минусы. Она не могла контролировать такого, как он.

На самом деле, она слишком много думала об этом. Личность Инь Минлу была противоположной. Он лучше реагировал на доброту, чем на принуждение. Видя, что Инь Юньцю открыто поддерживает его, он почувствовал себя неловко.

Он начал опускать головку и размышлял, стоит ли ему хоть немного признать Инь Цзию на первый взгляд. В противном случае, если бы другие обвинили его в неблагодарности, ему было бы все равно. Но он не хотел, чтобы Инь Юньцю нес на себе клеймо «баловал, баловал и причинил вред своему ребенку» ради него.

Когда братья не ладят, родителям трудно с этим справиться. Более того, в этот момент Инь Юньцю не мог видеть будущего, в котором он будет влюблен до безумия из-за любви. Когда ему было семнадцать, к нему трижды приближалась девушка, он не подозревал о ее мотивах, но та была влюблена в него.

Тогда очевидцы подумали, что это сцена из романтической драмы, где «богатый молодой мастер влюбляется в Золушку». Однако это оказался «душераздирающий роман между братом и сестрой» из мелодраматической корейской драмы.

Еще более удивительным было то, что этот старший брат даже отказался жениться ради своей младшей сестры, и огромное семейное состояние в конечном итоге попало в руки ребенка, которого родила его сестра и носившего чужую фамилию.

Это самопожертвование на благо других, если бы не первоначальный владелец, Инь Минлу аплодировал бы ему. Однако он все еще сожалел о том, что с трудом заработанная империя Инь Юньцю была передана ему. Первоначальный владелец не имел права наследовать, и Инь Цзию, имевший право, последовал его примеру и передал его.

Если бы они хорошо ладили как братья в этой жизни, возможно, Инь Цзией не смог бы продолжать действовать иррационально. Итак, Инь Минлу обнял Инь Юньцю за шею и потерялся о него своим маленьким лицом, сказав «понимающе»: «Не волнуйся, папа, я больше не буду этого делать в будущем».

Он действительно принял правильное суждение; Минлу был воспитанным и разумным ребенком. Если бы все шло по-своему, он не только не был бы избалован, но и стал бы более внимательным и скромным.

Губы Инь Юньцю слегка скривились. За последние полгода он явно научился искусству воспитания детей и в будущем сделает так, чтобы малыш любил его еще больше.

Он сказал: «Папа отнесет тебя переодеться».

Маленький парень ответил: «Папа, мне не холодно», имея в виду, что он не хотел идти.

Однако Инь Юньцю все же понес его наверх. Вернувшись вниз, он переодел ребенка в новый наряд. Это тоже был ярко-красный, но традиционный костюм Тан для Нового года.

У него был темно-красный воротник-стойка с узором в виде облаков по краям и несколько маленьких подвесок, свисающих по бокам. Было одновременно празднично и тепло.

Самым особенным было то, что в этом наряде было много карманов. На поверхности всего костюма было четыре или пять видимых карманов, а внутри был даже небольшой потайной карман, в котором, по-видимому, находился красный конверт, который дал ему Инь Юньцю.

Честно говоря, он на глазах у всех раздал одинаковую сумму денег всем младшим родственникам, но в частном порядке он дал больше своему собственному сыну.

Имея такое количество карманов, он, вероятно, хотел собрать все красные конверты, которые он получит позже во время семейного банкета. Хитро! Действительно хитро! Но ему нравится!

В следующий раз малыш весь улыбался, обнимал отца за шею и терся о него лицом. С каждым собранным красным конвертом он в одно мгновение становился немного богачом, и Инь Юньцю подавал ему знак принять их, не отказываясь. Он был в восторге и танцевал от радости.

Во время новогоднего ужина было видно, что у семьи Инь много родственников. И основная, и ответвительная семьи собрались вместе, и на первый взгляд это казалось морем голов, но не было никаких признаков фаворитизма.

Хотя место Инь Цзиюя оказалось рядом с ним, что вызвало у него некоторое недовольство, вкусные блюда на столе вскоре развеяли его несчастье. Блюда были даже лучше, чем те, что готовили лучшие повара отеля «Интерконтиненталь».

Даже его любимая лапша, пельмени по-сычуаньски, рулеты с цветами и булочки на пару, занимала почти половину стола.

Инь Минлу откусил кусок клецки и обнаружил, что, хотя тесто было немного толще, оно имело приятную жевательную консистенцию, и каждый из них выглядел как круглый слиток, ни один не разломился.

Он перевернул стол и попробовал почти каждое блюдо на столе, но, в конце концов, самыми вкусными ему показались пельмени.

Удивительно, но даже такие роскошные блюда, как акульи плавники и морские ушки, не могли сравниться с кусочком пельменей. Так что в итоге он ел только пельмени.

Он съедал пельмени один за другим, не замечая, что многие люди за столом многозначительно смотрят на него.

Ань Мэйцзун была озадачена. Ведь на столе было так много вкусных блюд, так почему же женщины за соседним столом все ели булочки? Разве эти виды лапши не были доступны повсюду?

Эти люди были действительно странными; им, кажется, нравились булочки, но как только они открыли их и откусили несколько кусочков начинки, они отложили их.

Наблюдая, как стопка оберток от пельменей перед ней увеличивается и почти вторгается в ее пространство, Ань Мэйцзун тихо выругалась в своем сердце. Она думала, что у членов большой семьи Инь вообще нет манер, и они складывают свои вещи на ее сторону стола.

Увидев, как его младший брат наслаждается пельменями, Инь Цзюй не мог не мило улыбнуться ему. Его деликатный и сосредоточенный стиль питания был невероятно милым, и Инь Цзюй не мог не улыбнуться. Он внимательно взял связку пельменей и положил их в миску брата.

Инь Минлу не отказался и с удовольствием поел. Однако внезапно он почувствовал острую боль во рту, как будто он укусил что-то твердое. Он схватился за рот от боли, на глазах у него навернулись слезы.

Когда он посмотрел вниз, внутри начинки для клецок он обнаружил монету достоинством в один цент, монету, которая обычно не использовалась в обращении.

Глядя на монету и слезящиеся глаза брата, улыбка Инь Цзюя застыла, поняв, что он, возможно, сделал что-то не так.

Под плачь Инь Минлу монета упала на стол, вызвав переполох.

Мужчина средних лет поднял большой палец и сказал: «Поздравляю, Минлу, ты действительно нашел монету! Первый счастливый знак года. Такой юный возраст, а тебе уже так повезло. В следующем году ты обязательно заработаешь состояние».

Затем все за столом начали благословлять, и плачущего малыша внезапно захлестнул поток

добрых пожеланий.

Ань Мэйцзун, которая все еще не понимала ситуацию, сидела рядом с женщиной, которая ела пельмени. На лице женщины было сожаление, и она прошептала: «Он съел так много. В этом году это пельмени. Как жаль, мы упустили миллион».

Однако Ань Мэйцзун уловила определенное ключевое слово и схватила женщину за рукав, спрашивая: «Сколько такое миллион? Монета стоит миллион?»

Казалось, она смутно понимала, почему все женщины и дети за столом ели пельмени и булочки, когда она раньше баловалась мясом и рыбой.

Женщина странно взглянула на нее, вероятно, думая, что Ань Мэйцзун, молодожён, только что присоединившаяся к семье Инь в этом году, не понимает правил. Она объяснила: «Это обычная монета в один цент, не стоящая миллиона. Она символизирует счастливый знак наступившего года, приносящий миллион благословений».

Ань Мэйцзун наконец поняла. Оказалось, что у семьи Инь есть давняя традиция во время новогоднего ужина. В определенное блюдо клали десять монет, и когда оно готовилось и подавалось, тот, кто находил монету, символизировал процветание наступающего года и получал награду от главы семьи.

В последние годы, когда семья Инь стала более процветающей, награда увеличилась до одного миллиона.

В прошлом году это были булочки, в позапрошлом — булочки, в позапрошлом — пельмени, а два года назад — снова булочки. Никто не мог предсказать, каким будет этот год, поэтому каждый член семьи часто ел разное в надежде найти удачу.

«Разве это не негигиенично?» Ань Мэйцзун забеспокоилась. Монеты находились в обращении неизвестно сколько времени. Даже если их продезинфицировали, все равно это было несколько антисанитарно.

Женщина закатила глаза и сказала: «Если ты не хочешь удачи, ты можешь не участвовать. Не будь столь придирчива. Не стоит недооценивать миллион».

«Для основной ветви семьи Инь, возможно, это не так уж и много, но для расширенных ветвей, как бы они ни были разбросаны, миллион может помочь им внести половину первоначального взноса за дом для своих детей или даже изменить свою судьбу. Использование счастливого знака в качестве причины также является достойным способом сделать это. В конце концов, в какой семье не бывает нескольких бедных родственников?»

Узнав, что счастливый знак этого года спрятан в пельменях, все за столом быстро бросились

есть пельмени. Ань Мэйцзун тоже запаниковала и немедленно отбросила свои сомнения. Когда никто не смотрел, она быстро зачерпнула в тарелку ложку пельменей.

Маленький паренёк, все еще плача, прижимался к отцу и держал его костюм. Он так жалобно плакал, его маленькая спина поднималась и опускалась с каждым рыданием.

Инь Юньцю утешал его, тщательно проверяя его рот и даже прикасаясь к десне, чтобы увидеть, нет ли каких-либо признаков шатающихся зубов. Убедившись, что это всего лишь молочный зуб, он наконец вздохнул с облегчением.

Он полностью успокоил ребенка.

Инь Шуцзинь, младшая сестра Инь Юньцю и тетя Инь Минлу, увидела маленькую фигурку, лежащую на ее старшем брате и плачущую. Его маленькая спина двигалась вверх и вниз от рыданий, и слезы лились беспрестанно. Когда она посмотрела на свою невестку Ань Мэйцзун, она увидела, как та, зарывшись головой, жадно ела.

Она не могла в это поверить и сказала Ань Мэйцзун: «Ребенок плачет, почему ты его не утешаешь? Если бы это был мой ребенок, который так жалобно плакал, я бы уже давно обняла и утешила его».

Что не так с этой невесткой? Перевешивает ли еда в этот момент важность утешения ребенка? Инь Шуцзинь происходила из богатой семьи, и ее не волновали всего лишь один или два миллиона, поэтому она, естественно, не понимала, почему Ань Мэйцзун так обеспокоена.

Особенно когда она увидела, что Инь Минлу повезло найти монету, получая многочисленные похвалы от всех за столом, Ань Мэйцзун почувствовала еще большую зависть. Что за глупый «мальчик, притягивающий богатство»? Кто он такой, чтобы заслужить это?

Ей хотелось, чтобы сейчас было больше ртов, чтобы она могла отчаянно есть и получить свой собственный счастливый знак. Она сожалела, что раньше съела все эти морепродукты, из-за которых у нее без всякой причины расширился желудок, и теперь ей было трудно съесть много пельменей.

После того, как его младший брат начал плакать, Инь Цзюй все время стоял рядом с ним. Естественно, он заметил волчьи привычки Ань Мэйцзун в еде.

Почему-то это напомнило ему его холодную и отстраненную мать. На мгновение он почувствовал небольшое сочувствие к своему младшему брату, который из игривого котенка превратился во что-то другое.